

Я З Ы К О З Н А Н И Е

УДК 811.511.132''18/19''

Г. А. Некрасова

ИЗМЕНЕНИЯ В ПАДЕЖНОЙ СИСТЕМЕ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА XIX–XX ВВ.

(ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ)*

В статье рассматривается актуальная для современного языкознания проблема системных изменений в языках. На материале коми-пермяцкого языка автор прослеживает процесс изменения статуса языковых единиц, а также связей и отношений между языковыми единицами. Основное внимание уделено процессу морфологизации послелогов: определено количественное соотношение употребления послелогов и падежных формантов послеложного образования в языке XIX–XX вв., раскрывается механизм фонетико-структурных изменений послелогов, описываются варианты падежных суффиксов и условия их употребления. Автор приходит к выводу, что следствием морфологизации послелогов явились перестройка падежной системы за счет увеличения количества местных падежей; развитие алломорфного варьирования падежных суффиксов и противопоставления гласного и согласного склонений; появление омонимичных падежных суффиксов, ослабление морфологической самостоятельности падежей; образование падежной единицы с синкретичным локативно-лативным значением.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, грамматика, падеж, послелог, алломорф.

Коми-пермяцкий язык вместе с коми-зырянским и удмуртским относится к пермской ветви финно-угорских языков. Территориальные разновидности коми-пермяцкого языка объединяются в три наречия – северное и южное, включающие в свой состав диалекты и связанные между собой рядом общих явлений, и верхнекамское. К северному наречию относятся мысовско-лупьинский, кочевский, косинско-камский диалекты; к южному – кудымкарско-иньвенский, оньковский, нижнеиньвенский, нердвинский. Диалекты имеют развитую падежную систему: количество падежей варьируется от 18 до 28 [1. С. 129–143; 2; 3; 4; 5. С. 41–48; 6. С. 78–79]. Наибольшее количество падежных единиц отмечается в южных диалектах, где активно протекает процесс развития послелогов в падежные суффиксы. Измене-

* Работа выполнена по Программе фундаментальных научных исследований УрО РАН, Проект № 15-13-6-22 «Трансформации языковых средств коммуникации в условиях билингвизма Республики Коми».

ниям подвергаются серийные послелого, которые образовались на основе падежных форм локативных существительных *выв* ‘верх, поверхность’ и *дын* ‘основание’.

В статье описываются функционирование падежных показателей послеложного образования в языке XIX – нач. XX вв., а также изменения, возникшие в ходе перехода послелогов в падежные показатели. Исследование проводилось на материале письменных источников XIX–XX вв. В зависимости от фонетико-структурных изменений послелогов источники делятся на две группы: а) тексты, в которых послелого не обнаруживают фонетико-структурных изменений [7–9]; б) тексты, в которых отмечается параллельное употребление послелогов и образованных на их основе падежных суффиксов [10–18]. Тексты первой группы написаны на северном наречии; второй – на южном наречии (на кудымкарско-иньвенском диалекте). Поэтому по письменным источникам можно проследить процесс перехода послелогов в падежные показатели только в кудымкарско-иньвенском диалекте. Большая часть источников обрабатывалась с помощью частичной выборки. Некоторые тексты подверглись сплошной выборке, в ходе которой из источников были извлечены все случаи употребления соответствующих послеложных и падежных единиц с целью определения последовательности и степени изменений послелогов, а также выявления частотности употребления послеложных и падежных единиц.

1. Послелого с основой *выв*- и поверхностно-местные падежи

В текстах XIX–XX вв., написанных на кудымкарско-иньвенском диалекте, отмечается параллельное употребление послелогов и образованных на их основе падежных суффиксов. Исследование частотности употребления этих единиц показало наличие тенденции постепенного возрастания частотности использования падежей и сокращения применения послелогов. Ср. частотность послелогов с основой *выв*- и падежей послеложного образования в хронологически разных текстах: в [13]: падеж – 82,9 % (156)*, послелог – 17 % (32); в [11]: падеж – 90 % (11), послелог – 10 % (1); в [17–18]: падеж – 99 % (263), послелог – 1 % (3); в [16]: падеж – 95 % (37), послелог – 5% (2). Количественный перевес падежей, наблюдаемый в рассмотренных текстах, свидетельствует о том, что к концу XIX в. процесс перехода послелогов в показатели поверхностно-местных падежей в южных диалектах был уже на стадии завершения. Изменениям подверглись все послелого серии, наиболее частотны в текстах употребления супер-эссива и супер-латива (см. Табл. 1).

При переходе послелогов в падежный показатель фонетической редукции подвергается основа послелого (*выв*-), которая превращается в показатель локализации *супер*. В текстах исследуемого периода этот показатель представлен несколькими вариантами. После основ на гласный встречаются варианты *-в*, *-вв*, *-вы*, *-вывы*, доминирующей формой является *-вв*. После основ на согласный представлены варианты *-в*, *-вы*, *-вв*, доминирует вариант *-в*. Вариативность суффиксов наиболее широко представлена в текстах [17–18]. Исключение составляет текст [13], где показатель локализации унифицирован (*-в*). В данном случае можно пред-

* В скобках здесь и далее указано количество употреблений соответствующей языковой единицы.

Таблица 1

Частотность употребления поверхностно-местных падежей и послелогов

Источник		Бур-ювөр Матвейсянь 1882 [13]	Букварь 1897 [10]/ 1899 [11]	Рассказы 1900 [17–18]	Попов 1894 [14]/ 1904 [15]	Зубов, Лихачев 1925 [16]
Супер-эссив*	<i>С-вын</i>	34	2/2	43	4/16	6
	<i>У-вын</i>	19	1/1	3	2	-
	<i>У-ввын</i>	-	1/1	37	2/5	13
	<i>С-выын</i>	-	0/2	11	-	-
	<i>У-ввыын</i>	-	-	1	-	-
Послелог	<i>вывын</i>	11	-	1	1	-
Супер-латив	<i>С-вө,</i>	96	-	76	1/11	11
	<i>У-вө</i>	-	-	7	1/2	-
	<i>С-выө</i>	-	-	19	-	-
	<i>У-выө</i>	-	-	1	-	-
	<i>У-ввө</i>	-	-	42	5	1
	<i>С-ввө</i>	-	-	1	-	-
	<i>У-ввыө</i>	-	-	5	-	-
Послелог	<i>С вывө</i>	18	-	2	2	-
Супер-элатив	<i>С-высь</i>	3	-	-	-	-
	<i>С-вись</i>	-	-	1	-	1
	<i>У-ввись</i>	-	-	6	1	1
Послелог	<i>вывысь</i>	2	-	-	-	-
	<i>вывись</i>	-	-	-	1	2
Супер-транзитив	<i>С-вөт</i>	3	-	2	-	2
	<i>У-вөт</i>	1	-	1	-	-
	<i>У-ввөт</i>	-	-	2	-	2
Послелог	<i>вывөт</i>	-	-	-	-	-
Супер-терминатив	-	-	-	-	-	-
Послелог	<i>вывөдз</i>	-	-	-	-	-
Супер-эгрессив	<i>С-высянь</i>	-	3/2	2	-	-
	<i>У-высянь</i>	-	-	1	-	-
	<i>У-ввысянь</i>	-	0/1	3	-	-
Послелог	<i>вывсянь</i>	1	-	-	-	-

положить, что текст подвергся редакторской правке. Редактор (академик Санкт-Петербургской Академии наук Ф. И. Видеманн) руководствовался, скорее всего, тем, что стандартные падежные суффиксы в этот период не имели алломорфов.

На основе обнаруженных в текстах XIX в. вариантов суффиксов можно восстановить процесс постепенного изменения показателя локализации. В структуре каждого послелога первоначально происходила синкопа инлаутного согласного *в*, в результате чего образовался вариант показателя локализации *-вы*. В текстах такие варианты сохраняют супер-латив (суффикс *-выын*) (1) и супер-эссив (*-выө*) (2). Следующая ступень характеризуется стяжением гласных в случае, если показатель ориентации имел в анлауте гласный (3–4). Показатель локализации послелога в падежный показатель локализации изменялся по следующей схеме: *выв-* > *-вы* > *-в*.

* При наименовании пространственных падежей учитываются выражаемые ими значения ориентации и локализации [19; 20].

(1) *Отир шувис сывё*: «*вир Сывён мянвыын и мян челядьвыын*. [18. С. 51] ‘Народ сказал ему: «Его кровь на нас и на наших детях».

(2) *Каем Исус Христосвён енвевтвыё*. [18. С. 56] ‘Вознесение Иисуса Христа на небо’.

(3) <...> *съя, ыждавё чериезвыын, кайезвын, звиррезвын, подаезвын, быд муввын, быд гаддэзвын*. [17. С. 10] ‘<...> он властвует над рыбами, птицами, зверями, животными, на всей земле, над всеми гадами’.

(4) <...> *а мие Исааккёт каям керёсвё и ваям Енвё жертва*. [17. С. 21] ‘<...> а мы с Исааком поднимемся на гору и принесем жертву Богу’.

Употребление вариантов, различающихся наличием / отсутствием гласного, первоначально не было обусловлено фонетико-структурными особенностями предшествующей основы. В одном и том же тексте вариативные формы обнаруживаются с одной и той же лексемой. Ср., в [17–18]: *енвевт-вё* (8 употреблений) ~ *енвевт-выё* (4 употребления) ‘на небо’, *сы-ввын* (3 употребления) ~ *сы-выын* (1 употребление) *серавны* ‘смеяться над ним’ (5–8). Предпочтительной формой в языке этого периода были суффиксы с показателем локализации *-в/-вв* (см. Табл. 1), но обнаруживаются единичные случаи, когда использованы только суффиксы с показателем *-вы*: *мян-выын* ‘на нас, над нами’ (3 употребления), *ас-выын* ‘на себе’ (2 употребления). Можно предположить, что параллельно с фонетической редукцией послелога началось развитие алломорфов, употребление которых было обусловлено качеством ауслота основы. После основ на гласный развиваются алломорфы с показателем локализации *-вв*, после основ на согласный – с показателем *-в*. Подтверждением такого предположения могут быть суффиксы, в которых отмечаются отпадение интервокального согласного и вставка анлаутного согласного: *-ввыё*, *-ввыын* (6), (7), (9).

(5) *Нъя жё всё сувависё и видзетъисё енвевтвё*. [18. С. 57] ‘Они же все стояли и смотрели на небо’.

(6) *Татён Съя <...> пондыс кайны ныдынсянь енвевтвыё*. [18. С. 57] ‘Затем Он <...> начал подниматься от них на небо’.

(7) *Кёр нъя серависё сыввын, Пилат петкётъис Сые отирдынё*. [18. С. 50] ‘Когда они смеялись над ним, Пилат вывел Его к народу’.

(8) *Кёр Ирод адззивис Исус Христосё, серавлис Сыввын <...>* [18. С. 49] ‘Когда Ирод встречал Иисуса Христа, насмеялся над Ним <...>’.

(9) <...> *кыз Исаак нёбётъис асвыас нес местаодз*. [17. С. 22] ‘<...> как Исаак перетасил на себе дрова до места’.

Причина развития алломорфа с двумя *-вв* в анлауте, на первый взгляд, не совсем ясна, если учесть запрет на употребление более одной согласной фонемы в анлауте корневой и служебной морфем. Эта особенность структуры морфем восстанавливается для финно-угорского праязыка [21. С. 119]. Однако уместно напомнить, что в современных коми-пермяцких диалектах падежная морфема может иметь по меньшей мере два алломорфа, употребление которых обусловлено ауслотом склоняемой основы [22]. В некоторых северных и южных диалектах наблюдается спорадическое противопоставление склонения имен на гласные и имен на согласные. В северных (косинско-камских, мысовско-лупьинских говорах) диалектах зафиксированы случаи алломорфного варьирования суффикса инструментала, инессива, элатива, терминатива: после основ с консонантным

аусллаутом упуотребляеаься алломорф со структурой VC; после основ, оканчивающихся на гласный *a* и огубленный (*o*, *y*), – алломорф C (10). В некоторых южных (нижнеиньвенском, кудымкарско-иньвенском) диалектах отмечается развитие алломорфов генитива, датива, аппроксиматива, аблатива. При основах с консонантным аусллаутом суффикс сохраняет свою первоначальную структуру CV(C), при основах с гласным в аусллауе утрачивается анлаутный согласный суффикса: *-л* > *-в* > \emptyset (11).

- (10) инструменталь: кк. *вӧл-ӧн* ‘на лошади’, *чарла-н* ‘серпом’;
 инессив: кк. *вӧр-ын* ‘в лесу’, *пэрма-н* ‘на ферме’;
 элатив: мл. *лавка-с’* ‘из магазина’;
 терминатив: мл. *кэрка-дз* ‘до дома’.
- (11) генитив: *-вӧн* ~ *-ӧн*: ни. ки. *кага-ӧн* ‘у ребенка’; *д’эд-вӧн* ‘у деда’;
 датив: *-вӧ* ~ *-ӧ*: ни. ки. *вон-вӧ* ‘брату’, *ин’ка-ӧ* ‘жене’;
 аппроксиматив: *-ван’* ~ *-ан’*: ни. ки. *ты-ан’* ‘в сторону озера’,
тӧв-ван’ ‘к зиме’;
 аблатив: *-вис’* ~ *-ис’*: ни. ки. *катша-ис’* ‘у сороки’, *ай-мам-вис’*
 ‘у родителей’.

В текстах XIX–XX вв. (независимо от того, оканчиваются ли склоняемые основы на гласный или на согласный) генитив, датив, аблатив и аппроксиматив имеют стандартные суффиксы. Скорее всего, переход послелогов в падежные суффиксы начался раньше, чем развитие алломорфов суффиксов этих падежей. Косвенным подтверждением такого предположения может быть то, что процесс изменения послелогов охватил все коми-пермяцкие диалекты, тогда как развитие алломорфов генитива, аблатива, датива и аппроксиматива наблюдается только в двух южных диалектах: кудымкарско-иньвенском и нижнеиньвенском.

Встает вопрос, почему в одних и тех же фонетических условиях происходят диаметрально противоположные процессы. После основ с вокалическим аусллаутом в поверхностно-местных падежах используется суффикс с геминантой в анлауе, произошло удвоение анлаутного согласного суффикса, в то время как генитив, аблатив, датив, аппроксиматив имеют суффикс с гласным в анлауе, произошло отпадение согласного *-в* в анлауе суффикса. Можно предположить, что вставка второго согласного была необходима для сохранения морфологической дифференциации падежей, так как отпадение интервокального согласного, далее стяжение гласных привело бы к развитию оморфом, к совпадению суффиксов аблатива и супер-элатива, датива и супер-латива. В данном случае проявились свойства агглютинативных языков, не допускающих морфологически несамостоятельных падежей, поскольку для языков такого строя характерна однозначность морфем. Поэтому в результате протекания различных процессов произошло совпадение алломорфов одного падежа с одним из алломорфов двух других падежей. Алломорфы аблатива (ки. *-вис’/-ис’*) омонимичны одному из алломорфов супер-элатива (ки. *-вис’/-ввис’*) и суффиксу элатива (ки. *-ис’*); алломорфы датива (ки. *-вӧ/-ӧ*) омонимичны одному из алломорфов супер-латива (ки. *-вӧ/-ввӧ*) и суффиксу иллатива (*-ӧ*). Такие изменения привели к ослаблению морфологической самостоятельности падежей, но ввиду того, что алломорфы в комплексе не совпали ни с каким другим из имеющихся в языке показателей, аблатив и датив сохранили статус самостоятельного падежа.

Процесс формирования падежных суффиксов на основе послелогов в коми-пермяцких диалектах протекал разными темпами. В южных диалектах этот процесс был уже почти полностью завершён к нач. XX в., судя по материалам письменных источников: на основе послелогов постепенно сформировались односложные падежные суффиксы, имеющие алломорфы (см. Табл. 2). В северных коми-пермяцких и верхнекамском диалектах этот процесс находится на стадии развития: параллельно с односложными функционируют двусложные форманты и послелоги (см. Табл. 2, данные из [1. С. 129–141; 23. С. 79; 24. С. 71; 25. С. 66; 26. С. 80]. Несмотря на двусложность структуры, свойства таких формантов ближе к падежным: они потеряли способность к самостоятельному употреблению в случае маркирования их посессивным показателем; ср. *ме вылын* ‘на мне’ и *вылам* ‘на мне’, но *ме ылын* и **ылам*; обязательным становится их употребление при каждом из членов сочинительной конструкции. Поэтому такие образования можно рассматривать как падежные форманты.

Структура послелогов с основой *выл-/выв-* в северных и южных диалектах изменяется по разным сценариям: в южных *в-*овых диалектах наблюдается синкопа согласного *в*, далее стяжение гласных; в северных – изменениям подвергается анлаут: отпадение анлаутного согласного, затем следующего за ним гласного [1. С. 134–137], ср.:

- юж. *вылын* ‘на (где?)’ > *вывын* > *выын* > *-вын*
вылис’ ‘с’ > *вывис’* > *выис’* > *-вис’*
сев. *вылӧ* ‘на (куда?)’ > *-ылӧ*
вылын ‘на (где?)’ > *-лын*

Из подвергшихся фонетической редукции послелогов вне описания остаётся эгрессивная форма: *вывсянь* > *-высянь* / *-ввысянь*, которая не включается ни в число падежей, ни в число послелогов. Между тем её грамматические свойства не отличаются от падежных единиц, образованных от послелогов с основой *выв-*. Она проявляет связь с аулаутом предшествующей основы, функционируя в двух вариантах (12–13), не может употребляться самостоятельно в случае маркирования её посессивным показателем (ср. кз. *ме вывсянь* ‘с меня’ и *вывсяням* ‘с меня’, но **ввысяням*), обязательным становится её употребление при каждом из членов сочинительной конструкции. Отличие от аналогично образованных единиц составляет только двусложная структура, что не даёт основания отделять эту единицу от группы поверхностно-местных падежей. Дальнейшие изменения структуры данной единицы (*-высянь* > **-всянь*, *-ввысянь* > **-ввсянь*) не представляются возможными ввиду запрета на употребление более одной согласной фонемы в анлауте корневой и служебной морфем, в случае показателей поверхностно-местных падежей – более трёх согласных.

(12) <...> *виялис вир сылӧн кымӧсвысянь*. [18. С. 45] ‘<...> кровь капала с его лба’.

(13) <...> *кыдзи бы отир сёис плоддэс эта пуввысянь*. [17. С. 14] ‘<...> как бы народ ел плоды с этого дерева’.

Несмотря на то, что в каждом диалекте наблюдается переход послелогов в падежные суффиксы, в качестве нормы литературного языка закреплены послелоги. Между тем в художественных текстах сер. XX в. и последующего периода, авторами которых являются носители южного диалекта, отмечаются единичные случаи использования поверхностно-местных падежей (14–16).

Поверхностно-местные падежи в коми-пермяцких диалектах

Диалект \ Падеж	Мл.	Коч.	Кк.	Оньк.	Ни.	Нерд.	Ки.	Вк.
Супер-эссив	-лын, -ллын	-лын, -ылын	-лын, -ылын	-лын, -ллын	-вын, -ввын	-лын, -ллын	-вын, -ввын	-лын, -ылын
Супер-латив	-лӧ, -лӧӧ	-лӧ, -ылӧ	-лӧ, -ылӧ	-лӧ, -лӧӧ	-вӧ, -вӧӧ	-лӧ, -лӧӧ	-вӧ, -вӧӧ	-лӧ, -ылӧ
Супер-элатив	-	-лис', -ллис'	-лис', -ылис'	-лис', -ллис'	-вис', -ввис'	-лис', -ллис'	-вис', -ввис'	-лис', -ылис', -лыс'
Супер-транзитив	-	-лӧт, -ылӧт	-лӧт, -ылӧт	-лӧт', -лӧт'	-вӧт', -вӧт'	-лӧт', -лӧт'	-вӧт, -вӧт	-
Супер-терминатив	-	-лӧдз	-лӧдз, -ылӧдз	-лӧдз, -лӧдз	-вӧдз, -вӧдз	-лӧдз, -лӧдз	-вӧдз, -вӧдз	-лӧдз, -ылӧдз

(14) – *Грезьсӧ татись паняв эн паняв, сӧ сымда, сьӧд няньвӧ ӧдва тырмӧ. – Сӧсся думайтышитис мымдакӧ и содтис: – Чёрной море дорӧ муна овны.* (А. Ермаков) [27. С. 392] ‘Хоть сколько здесь не вкалывай, все столько [получишь], еле хватает на черный хлеб. – Потом, немного подумав, добавил: – Поеду жить к Черному морю’.

(15) – *На бордсӧ. Кӧртышит вӧснитик кӧвокӧ, кай короминнакас да ведз трубаас метр кык мымда.* (А. Ермаков) [27. С. 398] ‘– Возьми крыло. Завяжи [его] тоненькой веревочкой, залезь на крышу дома и примерно на два метра ее опусти в трубу’.

(16) – *И мый токо конкурвас мыччавны мӧдӧ.* (А. Ермаков) [27. С. 405] ‘И что только на конкурсе показывать будет’.

2. Послелогии с основой *дын-* и приблизительно-местные падежи

В коми-пермяцких диалектах неравномерно протекает также процесс перехода в падежный формант послелогов с основой *дын-*. Все послелогии серии подверглись изменениям только в оньковском и нижнеиньвенском диалектах [23. С. 84–85; 24. С. 77–78], тогда как в большинстве диалектов это коснулось только единичных послелогов, на основе которых сформировался суффикс *-дын* (см. Табл. 3, данные из [1. С. 129–141; 23. С. 79; 24. С. 71; 25. С. 66; 26. С. 80]).

В письменных источниках XIX – нач. XX вв. абсолютное большинство послелогов с основой *дын* не обнаруживают фонетико-структурных изменений, кроме

Приблизительно-местные падежи в коми-пермяцких диалектах

Диалект \ Падеж	Мл.	Коч.	Кк.	Оньк.	Ни.	Нерд.	Ки.	Вк.
Адуд-эссив	-	-дын	-дын	-дын	-дын	-	-дын	-дын
Апуд-элатив	-	-	-	-дӧс'	-дӧс'	-	-	-
Апуд-латив	-	-	-	-дӧ	-дӧ	-	-	-
Апуд-транзитив	-	-	-	-дӧт'	-дӧт'	-	-	-
Апуд-терминатив	-	-	-	-дӧдз	-дӧдз	-	-	-

единичного случая (17), где вместо послелого *дынын* употреблена форма *дын*. Параллельное функционирование конструкций как с послелогом с основой *дын-*, так и с единицей *дын* наблюдается в некоторых художественных текстах сер. XX в. писателей-классиков, носителей южных диалектов (Баталов; Можаяев). В [28; 29] зафиксировано 29 случаев употребления единицы *дын*; из них в 25 случаях она реализует локативное значение (18), ее источник – послелог *дынын*. В четырех случаях единица *дын* употреблена в лативном значении (19), ее источником явился послелог *дынӧ*. Оба послелого сохраняют функционирование в языке и более частотны в текстах; ср. употребления в [28; 29] послелого *дынӧ* – 97 случаев, послелого *дынын* – 1095 случаев.

(17) *Вевеччисьсез мунъисӧ и адззисӧ ослича пиянкӧт кӧртавӧмӧн, воро-тадын, ӧтӧрын*. [18. С. 38] ‘Ученики пошли и увидели привязанную ослицу с осленком на улице у ворот’.

(18) *А Тимкаыс ны дын сулалӧ*. [28] ‘А Тимка рядом с ними стоит’.

(19) *Уськӧтчӧ жӧнникыс дын*. [29] ‘Бросается к своему жениху’.

Если частотность послелогов и единицы *дын* может рассматриваться как один из косвенных показателей изменения грамматического статуса языковой единицы, то можно было бы говорить о вариативности послелогов *дынын* / *дын* и *дынӧ* / *дын*. Однако, в отличие от послелогов, единица *дын* не может присоединять посессивный суффикс, он употребляется перед *дын* (19). При наличии однородных членов *дын* присоединяется к каждому из них, тогда как один послелог может обслуживать несколько членов конструкции. Отмеченные свойства единицы *дын* сближают ее с падежным формантом. Поэтому, несмотря на параллельное функционирование послелогов *дынын* ‘у, рядом с’, *дынӧ* ‘к’ и единицы *дын*, низкую частотность новой единицы, нужно констатировать развитие в коми-пермяцком языке синкретичной локативно-лативной падежной единицы. Наблюдается это скорее всего в тех диалектах, в падежной парадигме которых выделяется только апуд-эссив, о чем свидетельствуют примеры из кудымкарско-иньвенского (20–21) и косинско-камского диалектов (22–23).

(20) кк. *йӧрдын матӧ локтис* ‘подошёл близко к огороду’ [26. С. 79].

(21) кк. *вӧрдын олам* ‘живем возле леса’ [26. С. 79].

(22) ки. *магазиндын пукалӧ* ‘сидит у магазина’ [1. С. 140].

(23) ки. *дядьысдын пышиис* ‘к дяде он ушел’ [1. С. 140].

Подобно послелогам с основой *выв-*, структурные изменения послелогов с основой *дын* проходят по двум сценариям. В оньковском и нижнеиньвенском диалектах произошла синкопа сегмента *ын* в инлауте; структурно-фонетическим изменениям подвергся сегмент, выражающий значение локализации: *дын* > *д-*. В остальных диалектах апокопировался сегмент, выражающий значение ориентации, вследствие чего возникли оморфемы, выражающие значение локализации и ориентации кумулятивно: *дынын* > *дын*, *дынӧ* > *дын*.

Фонетико-структурные изменения послелогов с основой *выв-* и *дын-* привели не только к формированию новых падежных показателей, но и к следующим изменениям в падежной системе в целом: 1) перестройке падежной системы за счет увеличения количества местных падежей; 2) развитию алломорфного варьирования падежных суффиксов и противопоставления гласного и согласного склонения; 3) появлению омонимичных падежных суффиксов, ослаблению мор-

фологической самостоятельности падежей и 4) образованию падежной единицы с синкретичным локативно-лативным значением.

СОКРАЩЕНИЯ

названия коми-пермяцких диалектов: ки. – кудымкарско-иньвенский; кк. – ко-синско-камский; коч. – кочевский; мл. – мысовско-лупынский; нерд. – нердвинский; ни. – нижеиньвенский; оньк. – оньковский.

названия коми-пермяцких наречий: вк. – верхнекамское, сев. – северное, юж. – южное.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Баталова Р. М.* Коми-пермяцкая диалектология. М., 1975. 252 с.
2. *Сажина С. А.* Падежная система верхнекамского наречия коми-пермяцкого языка // Пермистика 13: Вопросы пермского языкознания. Сыктывкар, 2012. С 189–196.
3. *Сажина С. А.* Особенности морфологии верхнекамского наречия коми-пермяцкого языка // Филологические исследования–2014. Источники, их анализ и интерпретация в филологических науках. Сыктывкар, 2014. С. 181–185.
4. *Федосеева Е. Н.* Диалекты северного наречия коми-пермяцкого языка на современном этапе развития // Пермистика 9: Вопросы пермской и финно-угорской филологии. Ижевск, 2002. С 426–434.
5. *Цыпанов Е. А.* Перым-коми гижод кыв. Сыктывкар 1999. 178 с.
6. *Цыпанов Е. А.* Сравнительный обзор финно-угорских языков. Сыктывкар. 2008. 216 с.
7. *Щапов П. В.* Вторая книга для чтения и практических упражнений на пермяцком языке. Казань, 1909. 78 с.
8. Против давнего неговения. Казань, 1899. 13 с.
9. Святой Стефан Великопермский. Казань, 1899. 45 с.
10. Букварь для (северо-восточныхъ, иньвенскихъ) пермяковъ (опытъ). Казань, 1897. 13 с.
11. Букварь для пермяковъ иньвенскаго края (опытъ). Казань, 1899. 14 с.
12. Матвейвись вежа бур-ювөр. Лондон, 1866. 114 с.
13. Господьвон Исус Крестосвон вежа бур-ювөр Матвейсянь комион. Санкт-Петербург, 1882. 72 с.
14. Выддемъ перякъ-понда / Сост. Е. Попов. Пермь, 1894. 15 с.
15. Выддемъ коми отирь челядь понда. Азбука и первая книга для чтения в пермяцких школах / Сост. Е. Попов. Казань, 1904. 154 с.
16. *Зубов Ф. Е., Лихачев М. Т.* Вым дор чача (Подснежник). Выддисьны-гижны вевотчан книга. Иньва дорись коми кыввын. М., 1925. 71 с.
17. Рассказы из Священной истории Ветхого Завета // Рассказы из Священной истории Ветхого и Нового Завета. Казань, 1900. С. 5–58.
18. Рассказы из Священной истории Нового Завета // Рассказы из Священной истории Ветхого и Нового Завета. Казань, 1900. С. 3–61.
19. *Некрасова Г. А.* К вопросу о лингвистической терминологии в финно-угорских языках (на основе анализа названий падежей) // Известия Уральского государственного университета. 2009. № 3 (65). С. 100–108.
20. *Некрасова Г. А.* Семантика падежа: проблемы интерпретации (на материале коми диалектов) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 4 (48). С. 125–129.
21. Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974. 484 с.

22. Некрасова Г. Фонетическая структура слова и типы падежных алломорфов в коми языке // *Linguistica Uralica*. 2009. № 1 (45). С. 9–22.

23. Баталова Р. М. Оньковский диалект коми-пермяцкого языка. Унифицированное описание диалектов уральских языков. М., 1990. 205 с.

24. Баталова Р. М. Нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка. М.–Гамбург, 1995. 197 с.

25. Баталова Р. М. Кудымкарско-иньвенский диалект коми-пермяцкого языка. М.–Гамбург, 2002. 168 с.

26. Дмитриева Р. П. Косинско-камский диалект коми-пермяцкого языка (фонетика, морфология): Дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 1998. 195 с.

27. Пармалён шыэз (Голоса Пармы). Проза на коми-пермяцком языке. Кудымкар, 1997. 456 с.

28. Баталов В. Ёктём проза // URL: <http://www.Fulib.ru>

29. Можяев С. Комиён гижём // URL: <http://www.Fulib.ru>

Поступила в редакцию 14.04.2016

G. A. Nekrasova

Changes in the Case System of the Komi-Permyak Language in the 19th–20th centuries (On Materials from Written Sources)

The paper addresses a topical problem of modern linguistics that is system changes in languages. Based on the material from the Komi-Permyak language the author analyzes the process of changes in the language unit status, and also connections and relations between language units. Particular attention is paid to the process of morphologization of postpositions: the study defines the quantitative correlation between the use of postpositions and case formants of postpositional formations in the nineteenth-twentieth century language, reveals the mechanism of phonetic and structural changes of postpositions, and describes variants of case suffixes and conditions of their usage. The author concludes that the consequences of morphologization of postpositions were: reorganization of the case system due to the increase in the number of local cases; development of allomorphous variations of case suffixes and contraposition of vowel and consonant declinations; occurrence of homonymous case suffixes, weakening of morphological independence of cases; and formation of case unit with syncretical locative-lative meaning.

Keywords: Komi-Permyak language, grammar, case, postposition, allomorph.

Некрасова Галина Александровна,

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, доцент,
Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН
167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26
E-mail: komilang@gmail.com

Nekrasova Galina Aleksandrovna,

Candidate of Sciences (Philology), Leading Research Associate, Associate Professor,
Institute of Language, Literature and History
Komi Research Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
167982, Russia, Syktyvkar, Kommunisticheskaya St., 26
E-mail: komilang@gmail.com